

говли пушниной. Меха из Сибири поступали в Лейпциг через аборигенные каналы и европейских торговцев, а затем выходили на мировые рынки в виде модной одежды. Первая мировая война и большевистская революция привели к спаду, который усугубился сокращением охоты. Изоляция Германии после Первой мировой войны, до Рапалльского договора 1921 года, препятствовала торговле. В последующие годы, во времена нацистского правления, войны и оккупации торговля продолжала страдать. Шёнефельдер показал, как транснациональные изменения и внутренние конфликты влияли на эволюцию пушной торговли на фоне меняющихся глобальных ландшафтов.

В заключительной дискуссии участники и гости семинара обсудили ключевые темы докладов, рассмотрели проблемы и перспективы научного поля. Концепция «пограничных земель» оказалась полезной для отражения специфики регионов, которые, несмотря на свою кажущуюся изолированность, были тесно связаны с глобальными структурами. Беатрис Пенати подчеркнула важность изучения местных источников в широком контексте, особенно для экономических исследований. Хотя более глубокий анализ капитализмов (или различных форм капитализма) был отложен, внимание к экономической динамике подчеркнуло потенциал для выявления связей и переплетений в рамках исследований пограничных территорий. Несмотря на критику, высказанную в ходе дискуссии, организаторы и участники признали мощный исследовательский потенциал данного семинара. В итоге, обращаясь к преемственности имперских переходов и к взаимодействию между государственным видением и низовыми практиками, мероприятие способствовало развитию новых научных перспектив.

Александр Коробейников

Международная конференция «Концепт границы в славянской и еврейской культурной традиции»

*(Институт славяноведения РАН, Центр «Сэфер»,
Москва, 6—8 декабря 2023 года)*

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_422

С 6 по 8 декабря 2023 года Центром славяно-иудаики Института славяноведения РАН в сотрудничестве с Центром «Сэфер» была проведена очередная международная конференция, посвященная культурам славян и евреев, их диалогу, сходствам и различиям. Традиционно каждая подобная конференция имеет свою тему. И если раньше выбор общего вектора обуславливался желанием осветить разные аспекты славяно-еврейского взаимодействия, то сегодня кажется, что темы конференций еще и фиксируют умонастроения научного сообщества. В 2022 году в фокусе внимания были культурные представления славян и евреев о «последних временах», в 2023 пришло время поговорить о границах — географических, культурных, языковых, символических. Три насыщенных дня конференции прошли за обсуждениями того, как эти границы пытались освоить, преодолеть, сохранить или навсегда разрушить.

Первый день конференции был посвящен вопросам проведения границы между воображаемым «своим» и «чужим», а также конструирования социальных границ внутри группы. В основном все сюжеты затрагивали восточноевропейское еврейство. Секцию открыл доклад *Виктории Герасимовой* (Центр «Сэфер», НИУ ВШЭ, Пермь—Варшава) «*Пограничье воображаемое и реальное. Евреи, христиане и имперские чиновники на российско-польской границе в XVIII веке*». Используя бинарную оппозицию «воображаемое/реальное», Герасимова рассуждала на тему пограничья. С одной стороны, таковое было реально существующим местом, представляющим собой форпосты вокруг Киева. Оно помогало евреям перемещаться из Речи Посполитой на территорию Российской империи. С другой стороны, Герасимова показала, что пограничье можно воспринимать как воображаемую категорию. Что любопытно, она указала на особую роль бюрократических процедур, которая реализовывалась в формате распросных или допросных речей. В рамках своего выступления исследовательница выявила довольно важную проблему, связанную с тем, что даже после формального пересечения границы евреями и принятия христианства они не перестают находиться в контексте еврейской истории. Воображаемое пограничье, которое было выделено, дополняет представления о еврейской истории как о конфликте, существующем между крещеными евреями и христианами.

Тему «бинарных оппозиций» продолжил *Валерий Дымшиц* (Европейский университет в Санкт-Петербурге), обратившийся к классическому структурализму и антропологии Клоду Леви-Строссу. Дымшиц начал свой доклад «*Что чувствовал еврей, выезжая из местечка? Граница города как граница обитаемого мира в еврейской литературе*» с определения, в соответствии с которым для евреев характерна бинарная оппозиция «свой/чужой» или «еврей/нееврей» и в отличие от своих коллег по секции определил границу не как метафорическую или символическую категорию, а как категорию физического пространства, то есть «того, что отделяет один кусок земли от другого куска земли». Под «еврейским» понимается местечко, а под «нееврейским» в данном случае — природа и леса, окружающие это самое местечко. Пространство города понималось как еврейское, потому что ассоциировалось с цивилизацией. Когда еврей пересекал границу местечка, он оказывался в пространстве хаоса, пустыни или леса, на которые могли не распространяться привычные запреты. Дымшиц продолжил рассуждения о пространстве, представив этническую границу, которая проводилась по границам местечка, как социальную границу внутри оппозиции «горожанин/сельский житель». В этом контексте Дымшиц указал на тождество «еврея» и «горожанина», тем самым обнаруживая связь между этноконфессиональной группой и социальной стратой.

Лейтмотив социальных границ, а не привычных для еврейских исследований этноконфессиональных, подхватила *Галина Зеленина* (ИСАА МГУ, РГТУ, РАНХиГС, Москва) в докладе «*“Люди моей карассы” vs “босяки”, жлобы и хамы: социальная стратификация в советских еврейских мемуарах*». Зеленина показала, как конструируется социальная граница в эго-документах советских евреев, эмигрировавших на Запад. В докладе она также не отказывается от разделения «свой/чужой», но реализуется эта оппозиция как «хороший/плохой еврей». Образ «хорошего еврея» держится на почитании и ассоциации себя с русской культурой, конструировании образа виноватого и частичном отказе от еврейской идентичности, восхвалении качеств духовности, нестяжательства, критики советского тоталитаризма. Зеленина указывает на то, что такой конструкт размывает естественную границу между «евреями/неевреями» и «своими/чужими», но не отказывается от нее и снова приводит к тому, чем закончил Валерий Дымшиц в своем докладе: евреи понимаются со стороны не как этноконфессиональная группа, а как сословие, корпорация или социальный слой.

Одним из наиболее концептуальных докладов первого дня стало выступление Светланы Бабкиной (РГГУ, Москва) «*“Ангел у гумна” и “ангел у двери”: куда не проходит смерть?*». На материале двух сюжетов из еврейской Библии исследовательница задала два важных вопроса о самом понятии границы: в чем она воплощается и какой природой обладает? Используя теоретическую рамку Фрейзера, Бабкина указала на контагиозную природу крови и жертвы как определенной границы, за которую не может пробраться смерть и убийца. Пример с кровью, который использует Бабкина (кровь как то, что оскверняет и убивает, и кровь как то, что защищает) отлично демонстрирует двойственную природу границы. Жертва также обладает этой природой — принимает на себя смерть и одновременно защищает других от дальнейших смертей, то есть является границей между жизнью и смертью.

Во второй день конференции чаще звучали темы, связанные с конструированием и сохранением еврейской идентичности в условиях тесного соприкосновения с обществом большинства, а также присвоения разных практик этого общества. Валерия Новикова (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) поделилась сюжетом из средневековой истории арабских евреев в докладе «*Конверсия из иудаизма в ислам в Султанате мамлюков (1250—1517): перейти границу или примерить костюм?*». Используя метафору «примерить костюм», Новикова показала, как происходило обращение из иудаизма в ислам в XV веке в Каире. В основе этой метафоры была теоретическая рамка Артура Нока, затрагивающая два разных типа обращения в религию — слияние с новой идентичностью или полный переход и отказ от старых убеждений. Ключевой для этого доклада термин Нока — религиозное слияние, то есть преодоление барьера, который был культурным, а не религиозным и позволял евреям без труда перемещаться между идентичностями и сохранять связь с еврейским сообществом даже после принятия ислама. В докладе рассматривались биографии евреев, которые приняли ислам по собственной воле и описывали свой опыт перехода, а также случаи из исторических хроник, когда евреев ловили на фиктивном принятии ислама.

Понятие идентичности ярко звучало в докладе Розы Ашкенази (СПбГУ, Санкт-Петербург) «*Иранские евреи или еврейские иранцы? Классическая персидская литература в литературном репертуаре евреев Ирана в постмонгольский период*». Используя разнообразие персидской литературы, записанной на еврейско-персидском языке (персидский язык, записанный еврейскими буквами), Ашкенази пришла к выводу, что у еврейского населения Ирана был определенный интерес или даже любовь к персидской литературе: евреи собирали списки, издавали рукописи, иллюстрировали их, тратили на это большие деньги, и не только на популярных и каноничных авторов того времени, но и на менее известных даже в персидской среде. В связи с этим исследовательница задалась вопросом о том, что превалировало в идентичности иранских евреев: ощущение себя евреями или жителями Ирана. Подход к определению идентичности какой-то группы через читательский репертуар определенного периода довольно нетривиален. Однако он снова помещает нас в привычную рамку «свой/чужой», а точнее «литература — чужая или родная».

Совсем с другой стороны к понятию границы и идентичности подошли в своем докладе Алексей Андрюшин (НИУ ВШЭ, Москва) и Дмитрий Радь (СОГУ им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ) «*Позиционирование еврейской общины Владикавказа как полиэтнического и поликонфессионального сообщества в локальном тексте города в советский и постсоветский период (по материалам экспедиции в Северную Осетию)*». Докладчики обратились к истокам антропологии границ — работе Фредерика Барта «Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий» и понятию границы (bound), которое в ней да-

ется, как способа сохранения своей идентичности при взаимодействии ее членов с другими. Эта теоретическая база была дополнена работой Павла Куприянова «К вопросу о конструировании мест в современном городе: механизмы и идентичность» и его понятием «членение пространства» в контексте города как практики, при которой фрагмент пространства выделяется из окружающего массива не-мест или других мест и репрезентируется в качестве отдельной самостоятельной единицы пространства. Основываясь на этих теоретических положениях Андриюшин и Радь пытались выделить значимые единицы пространства и определить, как в этих единицах участвует еврейская община Владикавказа. Работа базировалась на серии из 42 глубинных этнографических интервью с членами еврейской общины Владикавказа. Целью доклада было не только прочертить границу в локальном тексте города на основе оппозиции «еврей/нееврей», но и показать, как внутри общины дифференцируется пространство и отражается ее многообразие — сосуществование религиозных и светских евреев. Через вспомогательный метод социального картирования, то есть описания локального текста (словарный или визуальный), докладчики продемонстрировали условное противостояние двух сторон: религиозных и светских евреев, разделенных рекой. Таким образом, можно снова наблюдать, как понятие границы реализуется в пространстве города, разделяя не только «своих» и «чужих», но и демонстрируя внутренние границы в контексте полиэтничности и поликонфессиональности одной общины.

Елизавета Шварц (СПбГУ) в докладе «Роль мяса и воды в дихотомии «свой/чужой» в культуре бета исраэль (эфиопских евреев)» продемонстрировала, как уже известная бинарная оппозиция реализуется в диетических запретах и ограничениях. Используя сюжеты из жизни эфиопских евреев и эфиопских христиан, Шварц не ограничилась только тем, что ярко провела черту, разделяющую эти две конфессии в повседневном употреблении мяса и воды. Что более важно, исследовательница показала, как соблюдение границы между христианами и иудеями во время совместных праздников через пищевые практики становится манифестом или некоторым символом уважения «другого». Этот сюжет довольно ярко выделяется среди докладов, использовавших ту же дихотомию «свой/чужой» с точки зрения либо обособления, либо адаптации культурных практик. Шварц поделилась идеей о взаимном и осознанном сохранении границы как способе проявления принятия и уважения к «другому» не с помощью особенных символов или даров, по Марселю Моссу, а через бытовые и жизненно необходимые вещи, как, например, воду и мясо.

Продолжили разговор о культуре неашкеназских общин Юлия Будман (РГУ им. А.Н. Косыгина, Москва) и Юлия Маккавеева (НИУ ВШЭ, Москва) докладом «Современная израильская контркультура евреев-мизрахим: *Ars poetica*». В израильском обществе и культуре в последние десятилетия развернулся масштабный разговор о дискриминационной политике государства в отношении выходцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки во второй половине XX века. На примере протестной поэзии мизрахим Будман и Маккавеева демонстрируют критику и различные стратегии преодоления так называемой ашкенормативности, то есть формы предвзятости евреев-ашкеназов к религиозным и культурным практикам восточных евреев. Творчество младшего поколения поэтов-мизрахим, в особенности Рои Хасана и Ади Кейссар из объединения «*Ars poetica*», исследовательницы рассматривали как составную часть израильской контркультуры, которая входит в сложное взаимодействие-противостояние с официальной культурой ашкеназов.

«Чужое» можно не только атаковать через слово, как протестные поэты, но через слово же его можно постепенно превращать в «свое». Такой вариант преодоления границ исследовали Екатерина Норкина (ИСл РАН, СПбГУ, Москва —

Санкт-Петербург) и Анна Юдкина (ИСЛ РАН, Центр «Сэфер», Москва) в докладе «Еврейские молельни в России во второй половине XIX — начале XX века как способ освоения “чужого” пространства». На примере прошений и ходатайств, поданных от еврейских общин, об открытии молельных домов вне черты оседлости исследовательницы показали, как иудеи стремились стать видимыми внутри физического и социального пространства Российской империи. Для достижения этих целей было принципиальным проявлять настойчивость, демонстрировать внешнюю лояльность по отношению к власти, а также не нарушать границ правового поля, что потенциально могло повысить уязвимость всей этнореligиозной группы.

Доклад Ольги Левитан (Еврейский университет в Иерусалиме, Тель-Авивский университет, Израиль) «Зарубежные гастроли “Габимы”: опыт установления и стирания границ» реконструировал маршрут и творческие трансформации, через которые прошел знаменитый ивритоязычный театр «Габима» в 1920—1930 годы. Обосновавшись в Москве после революции, «Габима» провозгласил иврит языком искусства, обладавшим прежде всего эстетической ценностью. «Габиме» пришлось отстаивать свою независимость от театра и литературы на идише, хотя именно идишские пьесы часто служили литературной основой для его репертуара. Тем не менее соперничество с идишеязычным ГОСЕТом, по мнению Левитан, в большей степени было навязано «Габиме» политической ситуацией. В январе 1926 года «Габима» покидает СССР и вплоть до конца 1930-х годов существует между Европой, Америкой и Палестиной. Ситуация пересечения границ государств оказывается неразрывно связанной с поиском творческой идентичности театра.

На искусство могли влиять не только реальные, но и воображаемые границы, выстраивание которых было обусловлено идеологически. В докладе Светланы Пахомовой (МВШСЭН, НИУ ВШЭ, Москва) «Штетл vs советская земля. Как советское кино 1920—1930-х гг. боролось с еврейской “архаикой”» было показано, как в советском кинематографе происходило отчуждение штетла от советской территории. Пространство штетла, его религиозные и повседневные практики архаизировались и даже демонизировались на советском экране. Например, в «Возвращении Нейтана Беккера» (1932) штетл предстает нелепым и вредным анахронизмом, но чаще он просто выносится за пределы СССР — в «панскую» Польшу («Граница»), Америку («Горизонт»), Палестину («Искатели счастья»). Политическая и экономическая отсталость штетла усиливается за счет мотива его физической уязвимости перед лицом антиеврейского насилия. Ощущение материальности и непреодолимости границ штетла пронизывает многие советские фильмы на еврейском материале, но если в 1920-е годы революционные идеи могли проникать в штетл и менять его изнутри, то в 1930-е штетл полагается уже не поддающимся никакому реформированию. Новая советская еврейская идентичность на экране оказывается напрямую связанной с новой советской территорией.

Третий день конференции был в большей степени сосредоточен на славянских сюжетах. Доклад «Икона как фронтир: колонизация, христианизация, наследие» познакомил участников конференции с основными выводами диссертационного исследования Дмитрия Доронина (РГГУ, Москва). Развитие иконного промысла со временем привело к широкому распространению так называемой расхожей иконы, то есть массовой недорогой иконы, производством которой занимались преимущественно крестьянские артели. Технологические изменения XIX и XX веков, например, открытие гальванопластики, изобретение алюминиевой фольги или массовая доступность фотографии способствовали проникновению неправославных образов и нехарактерных художественных решений в такие иконы. Особую популярность расхожие иконы получают именно в зонах культурного фронта. Наследуют расхожим иконам «советские иконы», то есть кустарные рукодельные

иконы, создаваемые нелегально мастерами-одиночками в СССР 1920—1990-х годов. Теневая экономика советской эпохи способствовала усложнению гибридности подобных артефактов.

Доклад Ольги Беловой (Исл РАН, Москва) *«Поверх барьеров: преодоление ментальных и социальных стереотипов в поликультурной среде Западной области и соседних регионов в 1920—1930-е годы»* напомнил о подвижности и одновременно инертности государственных границ. Западная область существовала на карте СССР с 1929 по 1937 год и включала в себя территории бывших Смоленской, Брянской, Калужской и Тверской губерний. Интенсивные изменения административных границ в 1920-е годы привели к повышенному контролю партийных органов и органов госбезопасности за настроениями среди населения этого фронтирного региона. Именно информационные сводки ОГПУ, документы партийных, а также комсомольских организаций, материалы отделов агитации и пропаганды из архивов Смоленской области стали основными источниками для данного исследования. Ко второй половине 1930-х годов в этнокультурном пограничье Западной области, с одной стороны, под давлением русификации и советизации наблюдается угасание культурного и языкового своеобразия, гибридизация религиозных и светских элементов повседневной жизни. Однако, с другой стороны, ощущение тотальной нестабильности и опасения грядущих геополитических трансформаций, которые подпитывались слухами о возможной войне, привели к усилению подозрительности в отношении этнических соседей.

Сразу два выступления на конференции были посвящены эвакуации во время Второй мировой войны. Светлана Амосова (Исл РАН, Москва) в докладе *«Представление о границе в нарративах об эвакуации еврейского населения в Латгалии 1941 года»* обратилась к этнографическим интервью, собранным в Латвии и Израиле у жителей бывших еврейских местечек Латгалии с 2012 по 2017 годы. Свидетельства из этого региона отличал ряд характеристик. Латгалия была оккупирована немецкими войсками уже к началу июля 1941 года, но на несколько дней позже, чем Курляндия и другие части Латвии. То есть у жителей Латгалии был небольшой временной зазор, чтобы срочно принять решение о самостоятельной эвакуации (организованной эвакуации из Латвии не было). Хотя формально Латвия входила в состав СССР с 1940 года, на практике соблюдалась старая граница. Эта ситуация, усугубленная отсутствием бюрократических процедур признания жителей Латвии гражданами СССР, не позволила эвакуироваться значительному числу беженцев. Очень ярко в интервью проявляется особая идентичность латгальского еврейства, которая фактически успела сложиться в независимой Латвии в межвоенный период. Среди эвакуационных сюжетов выделяются рассказы об отказе уезжать по причине неверия в то, что немцы причинят вред евреям.

Именно сюжет о «хороших» немцах стал центральным в докладе Екатерины Закревской (ИНИОН РАН, РГГУ, Исл РАН, Москва) *«Отказ от эвакуации и неудавшаяся эвакуация: типология и происхождение»*. Исследовательница предложила интерпретировать нарастающую частотность рассказов о немцах, угощающих детей конфетками и регулирующих порядок на оккупированных территориях, в контексте фольклорной традиции, которая с уходом поколения непосредственных свидетелей начинает насыщаться фольклорными клише и нарративами традиционной культуры. Со временем этнические стереотипы могут подменить собой факты и реальные свидетельства, как в сторону демонизации, так и в сторону идеализации. Понимание того, как устроена коллективная память, какие внешние и внутренние факторы оказывают на нее влияние, как работают механизмы эмоционального отбора, помогает объяснить популярность парадоксальных сюжетов о «культурных» немцах в интервью последних 10—15 лет.

Три дня конференции продемонстрировали, насколько многогранным может быть понятие границы и как по-разному ее можно концептуализировать в контексте истории и культуры евреев и славян. Заданная тема конференции — вещь коварная. С одной стороны, она задает рамку и позволяет протягивать нити от доклада к докладу. С другой — заставляет исследователей взглянуть на свой материал с непривычной стороны и ужаснуться тому, сколько важных аспектов остается за пределами их внимания. Конференция стала своеобразным опытом расширения границ понимания еврейской и славянской истории и культуры. Определенным открытием стали сюжеты, связанные с восточными евреями, — будь то средневековый Египет и Иран или современный Израиль. Впервые на конференции были представлены исследования, посвященные эфиопским евреям. Не менее важным было и то, что событие позволило увидеть, как понятие границы работает не только в отношении «своих» и «чужих», но и внутри еврейского сообщества.

Светлана Пахомова, Валерия Новикова

Международная конференция «Графомания. Русская литература и ее границы»

(ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, «Новое литературное обозрение»,
7–9 октября 2024 года)

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_428

С 7 по 9 октября 2024 года в онлайн-формате состоялась конференция «Графомания. Русская литература и ее границы». Мероприятие было организовано *Константином Богдановым* (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург) и *Ярославой Захаровой* (Мюнхенский университет, Германия), при деятельной поддержке *Ирины Прохоровой* («Новое литературное обозрение», Москва). Участникам конференции были адресованы вопросы: кто и почему считается графоманом? Только ли тот, кто пишет очень много (Лев Толстой), или тот, кто пишет плохо (капитан Лебядкин), или тот, кто пишет много и плохо (граф Хвостов)? Представление о графоманах и графомании исторически изменчиво, идеологически санкционировано и психологически субъективно. Но каковы критерии «нормального» и «ненормального» письма? Докладчики размышляли о причинах, обстоятельствах и следствиях, связанных с ролью словесности, ее социальной и эстетической оценкой в мире меняющихся представлений о «правильной» литературе.

Константин Богданов, открывший конференцию, во вступительном слове предложил участникам прежде всего почтить память безвременно умершего *Андрея Анатольевича Бобрехина* (1961—2024). В изначальной версии программы значился доклад Бобрехина «*Наивные ли писатели наивные художники?*». Смерть автора отменила это выступление, но не сняла его тематики. Андрей Анатольевич был выдающимся знатоком, коллекционером и исследователем наивной живописи, руководителем Музея наивного искусства в Екатеринбурге. В докладе он хотел коснуться такого совершенно неизученного аспекта творчества наивных художников, как их комментарии к собственным произведениям. В аннотации, присланной Андреем, было указано: «Исследователи наивного искусства периодически и по-